

УДК 811.511.142: 81'373.45

DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-2-269-277

Фамилии казымских ханты: семантика исконных основ

А. Д. Каксин

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
г. Абакан, Российская Федерация,
adkaksin@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена обоснованию связи между исконной лексикой хантыйского языка и фамилиями казымских ханты. Часть подобных антропонимов произошла от русских крестильных имён и слов тюркских языков, но при образовании большинства фамилий в основу была положена исконная лексика хантыйского языка.

Цель: выявить и описать со структурно-семантической и историко-когнитивной точек зрения хантыйскую лексику, послужившую материальной базой в процессе складывания этого класса антропонимов.

Материалы исследования: фамилии казымских ханты, выявленные историками и этнографами (известные с начала XVII века).

Результаты и научная новизна. В статье определены мотивирующие слова, лежащие в основе образования хантыйских фамилий. Искомые лексические единицы распределены на шесть семантических групп: физические, физиологические, психологические и социальные характеристики человека; явления неживой природы; различные виды ландшафта; предметы быта и хозяйственной деятельности; представители фауны, их повадки; абстрактные понятия. Выявлено, что базовыми являются четыре группы: входящие в них лексемы оказались наиболее продуктивными при образовании фамилий. В работе впервые выдвигаются лингвистически обоснованные версии происхождения хантыйских антропонимов, составляющих основной (главный) разряд фамильного фонда. Установлено, что подавляющая часть фамилий казымских ханты восходит к исконным словам хантыйского языка, обозначающим свойства (качества) человека, предметы и явления неживой природы, место проживания (детали окружающего ландшафта) и предметы быта и хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: ономастика, антропонимы, фамилии, принципы номинации, семантика основы, хантыйский язык.

Для цитирования: Каксин А. Д. Фамилии казымских ханты: семантика исконных основ // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 269–277.

The family names of the Kazym Khanty: semantics of original stems

A. D. Kaksin

*Katanov Khakass State University,
Abakan, Russian Federation,
adkaksin@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to substantiation of connection between the original vocabulary of the Khanty language and the family names of the Kazym Khanty. Some of the Khanty family names came from Russian baptismal names and words of Turkic languages. But most names were formed by the original vocabulary of the Khanty language.

Objective: to identify and describe the Khanty vocabulary, which served as the material basis for the creation of Khanty family names, in structural-semantic and historical-cognitive aspects.

Research materials: the family names of the Kazym Khanty identified by historians and ethnographers (known from the beginning of the XVII century).

Results and novelty of the research: the article defines motivating words which are the basis for the formation of Khanty family names. The original lexical units are distributed into six semantic groups: physical, physiological, psychological and social characteristics of a person; phenomena of inanimate nature; various types of landscape; objects of everyday life and economic activity; representatives of fauna, their habits; abstract concepts. It is revealed that four groups are basic: the lexemes included in them are the most productive in the formation of names. For the first time, linguistically justified versions of the origin of the Khanty anthroponyms that make up the main category of the family fund are presented in the work. It is established that the overwhelming share of the family names of the Kazym Khanty go back to the original words of the Khanty language, denoting the properties (qualities) of a person, objects and phenomena of inanimate nature, place of residence (details of the landscape) and objects of everyday life and economic activity.

Key words: onomastics, anthroponyms, family names, principles of nomination, base semantics, Khanty language.

Acknowledgements: the author expresses gratitude to the reviewer of the article.

For citation: Kaksin A. D. The family names of the Kazym Khanty: semantics of original stems // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (2): 269–277.

Введение

Во все времена в лингвистике присутствовал интерес к проблеме возникновения антропонимов, в частности, к исследованию схем и правил построения фамилий в разных государствах. При этом исследование в данной области ведётся обычно в аспекте взаимосвязи истории, культуры народа и его языка, поскольку своеобразное видение мира (в виде концептов, ценностных ориентиров) отражается также и в системе национальных личных имён и фамилий.

В ходе исследования данной тематики обязательно встаёт вопрос: как появились фамилии? К примеру, у русских наделение фамилиями началось в XIII в. в Великом Новгороде. Основой для фамилий являлись характерные черты человека (*Смирнов, Озорнов* и др.), род деятельности (*Кузнецов, Рыбаков, Конюхов* и др.). Зачастую фамилия образовывалась от имени отца: *Алексеев, Тимохин, Ванин*. Фамилия могла образоваться и от прозвища человека, например, *Скрябин, Третьяков, Замятин, Баранов* [3, 111–113].

Языки различаются не только в исторически обусловленных правилах образования фамилий, но и в формах их письменной фиксации (важно, что является источником и базой изучения). К примеру, исследование происхождения русских исторических фамилий опирается на некоторые документальные данные, отражённые в родословных [2, 6]. В этом отношении семантическая реконструкция хантыйских фамилий представляет некоторые трудности, поскольку не было предшествующего длительного опыта фиксации фамилий в документах гражданского характера: наделение фамилиями началось в церковной среде [4, 89–91].

В нашем исследовании сделана попытка восстановить слова (или словосочетания), которые послужили базой при фиксации (записи по модели русского языка) созданных хантыйских фамилий. При этом впервые одной из задач является определение семантики слов, послуживших основой для фамилий. В отношении других финно-угорских языков, в частности – венгерского, финского, мордовских, такие исследования проводились неоднократно [9; 11; 21; 22; 28; 29].

Согласно историко-этнографическим источникам, в родовом обществе у ханты в ходу были

только имена. Они звучали примерно так: *Альва-ли, Айи, Пэрки, Йины, Куца, Щуны, Потти, Ойка, Канта, Пынжа, Олоко, Аптя, Уля ики, Сертуш ики, Унху, Нярох, Ай пох, Кулькатли*, а также *Эви, Таскув, Паркув, Нены, Отютъ, Енько, Евья, Энны, Уенг ими, Уна пелки ими*. Примерно такие же принципы имянаречения исповедовали другие народы, соседи ханты. Помимо имён-прозвищ, существовали также наименования родов, и позднее некоторые фамилии могли произойти от них. Прежде всего, это касается системы ненецких фамилий, в которой данное свойство является определяющим. В системе хантыйских фамилий эта схема широко не использовалась. Некоторые особенности антропонимов ханты, манси и ненцев, активно взаимодействовавших на территории Западной Сибири, описаны, прежде всего, в компаративистских, исторических и этнографических работах [4; 6; 10; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20].

Впервые практика наделения ханты антропонимами оказалась связана с вхождением южной части территории ханты в Монгольскую империю, а после её распада – в Сибирское ханство. До появления сборщиков ясака у ханты, очевидно, были намётки системы личных имён-прозвищ, и значительное пополнение её (именами на тюркской основе) произошло после того, как аборигенное население этой части Западной Сибири было обложено ясаком. Как пишет З. П. Соколова, ясачные списки XVI в. зафиксировали такие имена как *Себеда, Селма, Килим, Полбей, Кичеда, Актамак, Елдан, Ванхо* [17, 393–411].

К началу наделения ханты фамилиями, для идентификации некоторых людей, в самом хантыйском сообществе уже существовали, помимо личных имён, уточняющие наименования. По большей части это были описательные словосочетания, указывавшие место проживания (родовое угодье): *Кярц Вуркүм ики* ‘Высокий старик из Выргима’, *Ряккорт Вён ики* ‘Большой старик (из) деревни на горе’. Такой способ именования людей сохранялся вплоть до середины прошлого столетия. Нередко возникали и топонимы, включавшие имя человека: *Воур вош юхан, Микит ики пильт кэрт, Пили пики ай юхан, Вэнтр ики шэнгат кэрт, Нерум юхан Васька кэрт* [8, 61–62].

Однако, такой способ образования второго антропонима не был принят для ханты (в процессе наделения их фамилиями). Если смотреть в сравнительном плане, можно видеть, что он получил широкое распространение у финнов. Как известно, производство значительной части фамилий у финнов подчиняется правилу отражения, по преимуществу, какой-либо примечательной детали окружающего пейзажа, характеристики того места, где проживает семья: Aho (Ахо) > *aho* 'поляна, заброшенное поле', Kallio (Каллио) > *kallio* 'скала', Laakso (Лааксо) > *laakso* 'долина', Laine (Лайне) > *laine* 'волна', Saarikivi (Саарикиви) > *saarikivi* 'островной камень', Järvinen (Ярвинен) > *järvi* 'озеро', Koskinen (Коскинен) > *koski* 'порог, водопад', Mäkinen (Мякинен) > *mäki* 'холм', Nieminen (Ниеминен) > *niemi* 'мыс', Virtanen (Виртанен) > *virta* 'течение, поток; река' [27, 14, 56, 84–85].

Нижеследующий вывод сделан по результатам исследования фамилий мордвы: у эрзя и мокши «фамильными основами явились <...> прозвищные имена, последние в свою очередь создавались на основе богатства мокшанского и эрзянского языков, поэтому разнообразие слов, вошедших в состав мокшанских и эрзянских фамилий, напоминает своеобразную энциклопедию быта их носителей в период становления фамилий» [22, 118].

В нашей статье предпринимается попытка выделения лексических полей, с которыми соотносятся значения антропонимических основ (основ фамилий) казымских ханты. В своём исследовании мы стремились учесть традиционные взгляды на системность языка, взаимосвязанность его уровней [1, 68–70; 23, 242–244; 24, 70–71; 25; 26; 30, 12–18; 32, 120–124].

Особое значение для исследования заявленной темы имеет статья З. П. Соколовой «О происхождении обско-угорских имен и фамилий» [15]. Преимущественное внимание в ней уделено вопросам территориального распространения фамилий ханты и манси и истории их происхождения. Но собственно лингвистический подход в этой статье также намечен, и некоторые положения относительно типологии образования, особенностей функционирования хантыйских фамилий нами учтены и использованы.

Материалы и методы

Источником для составления списка фамилий послужили работы историков, этнографов, лингвистов и двуязычные словари хантыйского языка.

В частности, более 100 фамилий обнаружено в материалах для обоснования проекта этнической статусной территории, например, Самаров, Самарин, Нитов, Тупин, Пентлахов, Ширянин, Юмин, Сагырваров, Ярин, Эмалев, Ватамов, Тузин, Сенгенов и мн. др. [8, 7–25, 48–53].

Значительный пласт антропонимов обнаруживается в диалектологическом и этимологическом словаре В. Штейница [31, 1693–1740]. В этот регистр внесены разные фамилии (в т. ч. русские, ненецкие), но на данном этапе исследования мы привлекли лишь хантыйские, те, о которых известно, что они бытовали и в бассейне Казыма: Тебитев, Куриков, Лоншаков, Алачев, Сумрин, Сумкин, Артанзеев, некоторые другие.

К выявленным основам и корням применяются методы формальной и, одновременно, семантической реконструкции и этимологического анализа. Принимая во внимание, что анализируемые фамилии записаны в русской огласовке, мы стремились восстановить исходный корень, лежащий в основе слова, от которого образована фамилия. Далее, учитывали, что значение данного корня могло претерпеть определённые изменения: в современном хантыйском языке исходное слово может иметь хотя и близкое, но другое значение (или слово могло стать архаизмом).

Результаты

Исторически личные имена ханты (также, как и родственных им манси) предшествовали фамилиям. Как сказано выше, принципы имянаречения у ханты не сильно отличались от подобных установок у других народов: личные имена представляли собой признаки по какой-либо отличительной внешней или внутренней черте, месту проживания, особенностям жизни и промысла, хозяйственной или бытовой деятельности. Это ядро личных имён ханты дополнил ряд русских имён, которые давались при крещении священниками и которые были фонетически адаптированы в хантыйском языке. Однако, факт фонетического (а также морфологического) видоизменения русских имён в хантыйском языке не был учтён при наделении ханты фамилиями. Данное обстоятельство, на наш взгляд, получает объяснение, исходящее из того факта, что фонетическая и морфологическая адаптация заимствованных имён происходит в условиях разговорной речи. Процесс изобретения хантыйских фамилий и их фиксация в официальных деловых бумагах и церковных книгах производились русскими,

не владеющими местным языком. Так и появились фамилии: *Спиридонов, Прокопьев, Никифоров, Яковлев, Григорьев, Константинов, Степанов, Никитин, Захаров* и др. По сути же мы видим, что эти фамилии произошли от русских крестильных имен: *Спиридон, Прокопий, Никифор, Яков, Григорий, Константин, Степан, Никита, Захар* и др. Заметную долю составляют фамилии, имеющие тюркскую основу: *Самаров, Самарин, Рандымов, Шихлимов, Хоронзеев* и другие, хотя здесь тоже не всё так однозначно [5, 278; 7, 637]. Например, относительно фамилии Самарин Н. А. Баскаков излагает следующие версии: 1) *самара* – это долгая, долгополая одежда, встречающаяся во Владимирской области. Часто прозвища давались по названию одежды и вполне возможно, что фамилия *Самарин* имела данную основу; 2) возможно, слово *sāmār* семантически связано также с персидским *sāmarīx* «шляпочный гриб»; 3) в тюркских языках имеется слово, генетически связанное с предыдущим или же его омоним *samar* в значении «таз, кувшин, большая деревянная чашка, блюдо». Тем самым, фамилия Самарин имеет своей основой диалектное областное слово *самара*, заимствованное через тюркские языки (возможно, через татарский, ногайский, крымско-татарский или казахский) из иранских языков: *самар* + русский суффикс *-ин* > *Самарин* [2, 144].

Далее, одной из своих задач мы видим, что необходимо выявить семантику исходных слов (и словосочетаний), которые послужили базой при создании фамилий. Понятно, что изначальное исконное слово претерпевало определённые фонетические изменения при артикуляции его на русский лад. Можно попытаться смоделировать, как хантыйские слова могли быть восприняты русскими писцами: *тос* ‘умелый’ – *тос, тус* (Тозин, Тузин), *сэңкәп* ‘молоток’ – *сенкеп* (Сенгепов), *нөһәл* ‘удобное средство’ – *нигал, негол* (Неголев), *нөмәс* ‘ум, мысль’ – *нөмас, немос* (Немосов), *мулы* ‘непоседливый’ – *мули* (Мулеев). О том, что многие фамилии ханты и манси производны от имён и прозвищ, можно прочитать, в частности, в известной статье З. П. Соколовой [15, 272–273].

У большей части фамилий в основе лежит слово хантыйского языка, бытовавшее в определённую историческую эпоху (иногда – очень удалённую). Ниже попытаемся восстановить этимологию ряда из этих слов.

Типин: вероятно, от слова *теп, Lip* ‘навес, сарай’ [12, 418]. Одной из версий может быть происхождение от слова *липи* ‘сосуд, вместилище’,

с последующей заменой начального согласного. Предположительно, впервые фамилия могла появиться в среде ханты Нижней Оби (т. е. в районе действия Обдорской миссии), потом уже как фамилия стала распространяться среди шеркальских и атлымских ханты. Диалекты эти – т-овые, т. е. в них закономерно происходит замена /л/ на /т/. И уже в этой форме, Типин, распространение фамилии пошло дальше, в бассейн Казыма.

Ширянин: предположительно, слово *ширян* / *ширяй* существовало в финно-угорском языке. Можно учитывать распространение этой фамилии и у других финно-угорских народов. В частности, согласно мнению исследователей мордовских языков, фамилия Ширяев произошла от прозвища Ширяй, которое, в свою очередь, возводится к слову *surjā* ‘сторона, край’ [22, 130].

Юмин: по всей видимости, эта фамилия произошла от слова *йум* ‘хороший’. Часто встречающееся, очень распространённое обозначение человека по самой общей, нейтральной характеристике манеры поведения. Альтернативой является версия происхождения от слова-омонима со значением ‘черёмуха’.

Сагырваров: основа фамилии состоит из двух компонентов. Первый элемент представляет собой обозначение рыбы, в нём наблюдается перестановка согласных: *сарых* ~ *сахыр* ‘сырок’. Подобное явление очень типично в тюркских языках и в южно-хантыйских диалектах оно также получило широкое распространение. Вторым компонентом является слово *вар* ‘запорное устройство (для ловли рыбы)’. О факте появления двухсоставных обско-угорских фамилий (характерных более для манси) можно прочитать в статье З. П. Соколовой [15, 270–271].

Ярин: вполне возможно, что это русская фамилия: от слова *яр*, в Сибири имеющего значение ‘высокий, протяжённый обрыв над рекой’. Если склоняться к хантыйскому лексикону, семантически ближе всего слово *йир* / *йяр* ‘край, крайний’.

В основе любых антропонимов, в частности, родовых имён и прозвищ, лежат мотивационно-семантические связи. Здесь наблюдается мотивация имени по внешнему признаку индивида, специфичным чертам его характера, его гастрономическим пристрастиям, и другим общечеловеческим и национально-этническим фактам в зависимости от ментальности и моральных принципов окружающей среды. Однако, какое же слово может стать мотивирующим при образовании родового имени или прозвища? Вероятно,

не всякое. Исходное слово должно содержать в своём значении компонент, который при обращении к человеку трансформируется в характеристику или оценку. Рассмотрим это предположение на материале исторически обусловленной лексики хантыйского языка. Из периода уральской общности до тех времён, когда появилась потребность в создании системы антропонимов, в казымском диалекте сохранились слова, подходящие в качестве основы для образования имён собственных [12, 400–409]. Данную категорию слов мы распределили по следующим семантическим подгруппам:

1) наименования частей тела (соматизмы): *lan, jan* ‘жила’, *lõx, lãw* ‘кость’, *luj, juj* ‘палец’, *toyäl* ‘перо, крыло’, *tuγäl* ‘печень’, *kunəŋ pete* ‘подмышка’, *səm* ‘сердце’ и др.

2) наименования представителей фауны: *kar* ‘самец-олень’, *koläk* ‘ворон’, *urŋi* ‘ворона’, *päl* ‘гнездо’, *viš, us* ‘нельма’, *pešax, peži* ‘телёнок оленя’, *kul* ‘рыба’, *pəŋk* ‘рябчик’, *ňöxäs* ‘соболь’, *niŋk* ‘червь, глист’ и др.

3) наименования элементов флоры: *kol* ‘ель’, *liγäl, jiγäl, teγät* ‘кедр’, *moräk, morəx* ‘морозка’, *kiñi* ‘мочало, слизистый слой (сосны, берёзы и др.)’, *ňälki* ‘пихта’, *jom* ‘черемуха’ и др.

4) термины родства и свойства: *woŋ, weŋ* ‘зять’, *ku* ‘мужчина, муж’, *meñ* ‘невестка, сноха’ и др.

5) наименования явлений окружающей среды, пространства и времени: *komp* ‘волна’, *kuñäl* ‘солнце, рассвет’, *kos* ‘звезда’, *təx, tiw* ‘земля’, *haw* ‘месяц, луна’, *tõx* ‘озеро’, *joγəp* ‘маленькая река’, *jiγäl* ‘речка’, *lõŋ, jõŋ* ‘лето’, *pir* ‘задний, задняя часть’, *il* ‘нижний’, *peläk* ‘сторона, половина’, *ewäl* ‘вкус, запах’, *num* ‘верхний, высокий, небесный’, *wač* ‘город’ и др.

6) предметы и орудия хозяйственной деятельности человека: *wöžət* ‘рыболовный затон’, *joγäl* ‘лук (оружие)’, *lox* ‘лыжа’, *oγät* ‘волок’, *wäx* ‘железо’, *söj* ‘уголь, жар’, *elə, äl* ‘крыша’, *tõxät* ‘поперечный брус’, *ňal* ‘стрела’, *jöntəx* ‘тегила лука’, *wöl* ‘шест чума’, *nöl* ‘рукоятка’, *öxäl* ‘сани’, *pör* ‘сверло, сверлить’, *kaləw* ‘сеть’, *lit, jit* ‘рукав’ и др.

Также общеуральский лексический фонд представлен глаголами антропоцентрической направленности: *põγ-* ‘дуть’, *päl-* ‘бояться’, *lãŋa-, jãŋa-* ‘входить’, *ñel-* ‘глотать’, *mə-, mä-* ‘давать’, *kõñ-, xäñ-* ‘закрывать глаза, мигать’, *məp-* ‘идти, ехать’, *loγäl-, jöγäl-* ‘кусать’, *pul* ‘кусочек’, *puli-* ‘хлепать’, *ňäla-* ‘лизать’, *əsäl-* ‘опускать’, *ot-* ‘плавать’, *äl-* ‘носить’, *tu-* ‘приносить’, *pot-* ‘убегать’, *lört-, jört-* ‘стричь’, *lel-, -jel* ‘садиться в лодку’, *kol-*

‘слышать’, *em-* ‘сосать’, *tõŋät-* ‘считать, читать’, *jöγäl-* ‘гresti веслами’, *ñuγäl, ñöxäl* ‘охотиться, преследовать’, *kösjəŋk, kos-, xos-* ‘моча, мочиться’, *ponäl-* ‘нити крутить’, *lõj, jõj* ‘гной, гноиться’ и др. Семантическая и структурная характеристика приведённой категории слов способствует образованию фамилий и прозвищ. При этом многие из них являются результатом вторичной номинации, основанной на переосмыслении прежних, первичных смыслов.

Мы предполагаем, что приведённые здесь слова могли послужить основой для создания следующих фамилий: Махов (< *ma-hö* ‘земляной человек’), Лебылов (< *leγäl-* ‘жевать’), Тубылев (< *toyäl* ‘крыло, перо’), Тарлин (< *tar-li* ‘без озера’), Хоров (< *xor* ‘самец-олень’), Холпин (< *xoləp* ‘сеть’) и некоторых других.

Как видим, внешняя оболочка слов подвергается значительным изменениям. В содержательном же плане фамилии обычно прерывают связь с исходной семантикой и начинают действовать в рамках устоявшихся в языке закономерностей.

Часть фамилий имеют основой слова, появившиеся во время существования финно-угорской общности. В тот период бытовали, к примеру, такие лексические единицы как:

1) наименования внешних и внутренних частей тела (соматизмы): *möγäl* ‘грудь’, *törəp* ‘губа’, *kõn* ‘живот, желудок’, *pös* ‘кал’, *sol* ‘кишка’, *wər* ‘кровь’, *könŋi* ‘локоть’, *weləm* ‘мозг’, *köt* ‘рука’, *päl* ‘ухо’, *säwəl* ‘шея’, *ňäləm* ‘язык’;

2) наименования представителей фауны: *šärpi* ‘лось’, *čunč, šüš* ‘блоха’, *kösə* ‘чебак’, *möytəγ* ‘чебак’, *mewti* ‘язь’, *saj, soj* ‘тоголь’, *wäsəγ, wasi* ‘утка’, *tarəx, tor* ‘журавль’, *weli, wüli* ‘северный олень’, *söγ, sow* ‘древоед’, *lõŋkər, Lenkər* ‘мышь’, *lont, lunt* ‘гусь’, *ňöxäs* ‘куница’, *čač, šoš* ‘дикая утка’, ‘селезень’;

3) наименования элементов флоры: *mäl* ‘смородина’, *šömši* ‘чёрная смородина’;

4) термины родства и свойства: *iš* ‘младший брат’, *pəx* ‘мальчик, сын’, *urwi, jəŋku* ‘сирота, сиротский’, *up* ‘тесть’;

5) наименования явлений природы, окружающей среды, времени и пространства: *töyi, towi* ‘весна’, *tal* ‘зима’, *al, ot* ‘год’, *jert* ‘дождь’, *iləm* ‘погода’, ‘небо’, *əj* ‘ночь’, *söγəs* ‘осень’;

6) обозначения элементарных действий: *öl-* ‘топить’, *jaŋäl-* ‘поджарить’, *pusər-* ‘сжать’, ‘сдавить’, *li-, Le-* ‘есть, кушать’, *wəl, woL-* ‘быть’, *niw-, ni-* ‘быть видным’, *pör-* ‘кусать, укусить’, *söŋ-, seŋ-* ‘бить, ударить’, *ləl-, LöL-* ‘мокнуть, промокать, промокнуть’, *kal-, xoL-* ‘ночевать’,

ripč- ‘открывать, отворять’, ājət- ‘открыть’, ‘развязать’, kül-, kiL- ‘встать’, ‘пристать к берегу’, jāñt-, jāñs- ‘пить, выпить’, lerəmt- ‘разостлать’, wayəl-, wöxəl- ‘слезать, спускаться, сходить вниз’, sōjəy- ‘плевать’, vla-, oL- ‘спать’, lüketə-, löketə- ‘сунуть’, ‘толкнуть’, raçən- ‘треснуть’, ‘лопаться’, wel-, weL- ‘убивать’, wāñt-, waś- ‘резать’, ‘колоть’, waç-, wañç-, woñ- ‘резать’, ‘рубить’, ruççət-, rōçkət- ‘резать’, ‘срезать’, köj- ‘суетиться’, ‘шнырять’, ‘бегать взад-вперёд’, kaç- ‘греться’, ‘стать горячим’, pent- ‘закрывать’.

Эти слова послужили основой для создания фамилий: Ленцев (< löñs ‘тепловатый’), Нитов (< ni- ‘быть видным’), Типин (< tep, Lip ‘навес, сарай’), Сенгин (< señ- ‘бить, ударить’), Логомов (< luket- ‘сунуть’), Ныгылев (< nöçəl- ‘преследовать’), некоторых других.

Наконец, несколько фамилий имеют основой слова из периода угорской общности. Предположительно, к этому периоду относится возникновение таких лексических единиц как: ketsur ‘предплечье’, tur ‘шея’, ‘горло’, posən ‘дым’, töyat ‘огонь’, lar ‘озеро’, pam ‘трава’, köteñ ‘лебедь’, loç ‘лошадь’, ämp ‘собака’, -ät, -it ‘закаливать’, lorñэ, jorñi ‘медь’, wə-, wu- ‘брат’, mära ‘быть мокрым’, marət- ‘нырять’, kātəm ‘толстый’, päl ‘высокий’, pälät ‘высота’, tew- ‘ошибаться’, sil ‘место у чего-либо’, mel, mäl ‘глубокий’, çəy-, šöw- ‘быть кислым’, kän ‘лёгкий’, melək ‘оттепель’, pəytə ‘чёрный’, jem, jām ‘хороший’, ejəm ‘клей’, tüyat ‘колчан’, sōy- ‘плести’, läši- ‘подстергать’, polt ‘сало, жир’, nöyər ‘седло’, sos-, sōs- ‘сохнуть’, pāk ‘узда, повод’, ñiləç, ñiwəl ‘восемь’, läwət, jäwət ‘семь’, tołtna ‘с волшебством’, mañt ‘сказка’, mañt- ‘рассказывать’ [12, 434–437].

Ряд слов этого периода послужил основой для создания фамилий: Маров (< mär-, märət- ‘быть мокрым; нырять’), Туйнов (< tujt ‘колчан’), Сеусев (sev- ‘плести’).

Базовым принципом образования фамилий является его структурная часть. В этом плане хантыйский язык оказывается наиболее продуктивным. Часть фамилий, образованных от исконных корней, имеют некоторый дополнительный элемент (кроме окончания -ов). Это элемент -х- в фамилиях типа *Етныхов*: *Ромхов*, *Пендахов*, *Пентлахов*, *Енпожехов*, *Семлахов*, *Лоптахов*, *Са-*

рамхов и др. Полагаем, что окончание -хов в этих фамилиях представляет собой контаминацию двух элементов: хō ‘человек, мужчина’ и -ов (окончания из русского языка). Таким образом, эти фамилии переводятся как ‘дальний (далеко живущий) человек’ (*Етныхов*), ‘спокойный человек’ (*Ромхов*), ‘лохматый человек’ (*Пендахов*), ‘не знающий пути человек’ (*Пентлахов*), ‘десять детей имеющий человек’ (*Енпожехов*), ‘бессердечный человек’ (*Семлахов*), ‘говорливый человек’ (*Лоптахов*), ‘пугливый человек’ (*Сарамхов*). Приведённые примеры фамилий свидетельствуют о том, что изначально их мотивационно-семантическая основа строилась на специфической характеристика конкретного лица. К этому ряду следует отнести также фамилии на -ков: *Нехорасков*, *Песиков*, *Песков*, *Евтешков*, *Ложатков*, *Аликов*.

Обсуждение и заключение

Таким образом, у большей части хантыйских фамилий в основе лежит слово хантыйского языка, бытовавшее в определённую историческую эпоху (и, в большинстве случаев, употребляемое до сих пор). Сравнительный анализ подтверждает, что основным методом образования фамилии для казымских ханты было принятие за основу аутентичного прозвания (краткого определения человека). Этими звуковыми оболочками, в первоначальной их ипостаси, обозначены все виды человеческой деятельности, все объекты живого и вещного мира, окружающего человека.

Это семантическое разнообразие можно свести в шесть семантических групп: физические, физиологические, психологические и социальные характеристики человека (в том числе – связанные с выполнением определённых действий); предметы и явления природы (в том числе – разновидности флоры); различные виды местности (включая мелкие детали ландшафтов); предметы быта, средства передвижения, орудия труда; представители фауны, их повадки; абстрактные понятия. В последнюю группу, наряду со словами типа *pāk*, *kās* ‘сила, выносливость; возможность’, включаются также названия верований, имена числительные. Подавляющее большинство мотивирующих основ относятся к первым четырем группам.

Список источников и литературы

1. Аванесов С. С. Визуальная антропология как исследовательская дисциплина // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. №1 (1). С. 68–74.
2. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. 279 с.
3. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.

4. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 1995. 600 с.
5. Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. 580 с.
6. Дмитриева Т. Н. Топонимия реки Пелым на рукописных картах Антала Регули и этимологизация мансийских топонимов // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 1. С. 35–55. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14/1/002.
7. Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. Фамилии казымских ханты: источники формирования и этимология (общий взгляд) // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 633–642. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-4-633-642>.
8. Касум-ёх: Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории / отв. ред. А. В. Головнев. Шадринск: [б. и.], 1993. 112 с.
9. Куклин В. Н. Некоторые вопросы эрзя-мордовской антропонимии // Ономастика Поволжья. Горький: [б. и.], 1971. Вып. 9. С. 73–75.
10. Мартынова Е. П. Этническая история коренного населения р. Надым // Сибирский сборник–2: к юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 107–120.
11. Никонов В. А. Фамилии пензенской мордвы // Ономастика Поволжья. Саранск, Мордов. гос. ун-т, 1986. С. 91–97.
12. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 480 с.
13. Пивнева Е.А. Из истории этнографического изучения манси // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 23–26.
14. Соколова З. П. Наследственные, или предковые, имена у обских угров и связанные с ними обычаи // Советская этнография. 1975. № 5. С. 42–51.
15. Соколова З. П. О происхождении обско-угорских имён и фамилий // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимики. М.: Наука, 1970. С. 268–278.
16. Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII-XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 325 с.
17. Соколова З. П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М.: Наука, 2009. 756 с.
18. Сподина В. И. О родовом устройстве и названиях некоторых родов обских угров и самодийцев ХМАО // Вестник угроведения. 2011. № 2 (5). С. 140–145.
19. Сподина В. И. Хантыйско-ненецкие культурные характеристики и взаимоотношения в условиях пограничья // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 118. С. 143–152.
20. Хелимский Е. А. Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. М.: Наука, 1991. С. 86–99.
21. Цыганкин Д. В. Семантика индивидуальных и семейных (родовых) прозвищ жителей эрзянских и мокшанских населенных пунктов // Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа. Сб. изб. ст. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. Ч. 4. С. 143–197.
22. Цыганкин Д. В. Фамильные основы у эрзи и мокши (лексико-семантический анализ с этимологией) // Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа. Сб. изб. ст. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. Ч. 4. С. 117–133.
23. Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. 254 с.
24. Черемисина М. И. Язык как явление действительности и объект лингвистики. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1998. 128 с.
25. Черникова И. В. Проблема «язык и мышление» в свете системно-эволюционного метода // Язык и культура. 2016. № 2. С. 207–216. DOI: <https://doi.org/10.17223/19996195/34/16>
26. Binder K. S., Cote N. G., Lee C., Bessette E., Vu H. Beyond breadth: The contributions of vocabulary depth to reading comprehension among skilled readers // Journal of Research in Reading. 2017. Vol. 40 (3). pp. 333–343. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9817.12069>.
27. Jelsejev Ju. Suomi venäjä suomi sanakirja. Jyväskylä: Gummerus Kustannus Oy, 1999. 430 p.
28. Farkas T. A Magyar családnévanyag fogalma és struktúrája // Magyar Nyelvjárások. 2010. № 48. pp. 59–75.
29. Paikkala S. Se tavallinen Virtanen. Suomalainen sukunimikäytännön modernisoituminen 1850-luvulta vuoteen 1921. Tampere–Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. 809 p. (Серия «Suomalaisen Kirjallisuuden Seura», № 959).
30. Söder T. «Walk This Way»: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2001. 154 p. (Серия «Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia», № 33).
31. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie Verlag, 1966-1991. 2019 p.
32. Wierzbicka A. Semantics, culture, and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations. Oxford: Oxford University Press, 1992. 487 p.

References

1. Avanesov S. S. *Vizual'naya antropologiya kak issledovatel'skaya disciplina* [Visual anthropology as a research discipline]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij* [Tomsk journal of linguistic and anthropological research], 2013, no. 1 (1), pp. 68–74. (In Russian)

2. Baskakov N. A. *Russkie familii tyurkskogo proiskhozhdeniya* [Russian surnames of Turkic origin]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 279 p. (In Russian)
3. Bondaletov V. D. *Russkaya onomastika* [Russian onomastics]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1983. 224 p. (In Russian)
4. Golovnev A. V. *Govoryashchie kul'tury: tradicii samodijcev i ugrov* [Speaking cultures: traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg: Ural'skoe otделение RAN Publ., 1995. 600 p. (In Russian)
5. Dmitrieva T. N. *Toponimiya bassejna reki Kazym* [Toponymy of the Kazym River basin]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta Publ., 2005. 580 p. (In Russian)
6. Dmitrieva T. N. *Toponimiya reki Pelym na rukopisnykh kartah Antala Reguli i etimologizaciya mansijskih toponimov* [Toponymy of the Pelym River on handwritten maps of Antal Reguli and etymologization of Mansi toponyms]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2017, no. 14 (1), pp. 35–55. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14/1/002. (In Russian)
7. Kaksin A. D., Chertykova M. D. *Familii kazymskih hanty: istochniki formirovaniya i etimologiya (obshchij vzglyad)* [Family names of the Kazym Khanty: sources of formation and etymology (general view)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (4), pp. 633–642. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-4-633-642>. (In Russian)
8. *Kasum-yoh: Materialy dlya obosnovaniya proekta etnicheskoy statusnoj territorii* [Kasum-Yokh: Materials for designation of the project of ethnic status territory]. Ed. by A. V. Golovnev. Shadrinsk: [w/p], 1993. 112 p. (In Russian)
9. Kuklin V. N. *Nekotorye voprosy erzya-mordovskoj antroponimii* [Some issues of Erzya-Mordovian anthroponymy]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga region]. Gorky, 1971. Vol. 9. pp. 73–75. (In Russian)
10. Martynova E. P. *Etnicheskaya istoriya korennoho naseleniya r. Nadym* [Ethnic history of the indigenous population of the Nadym River]. *Sibirskij sbornik–2: k yubileyu Evgenii Alekseevny Alekseenko* [Siberian collection-2: for the anniversary of Evgenia Alekseevna Alekseenko]. Saint-Petersburg: MAE RAN Publ., 2010. pp. 107–120. (In Russian)
11. Nikonov V. A. *Familii penzenskoj mordvy* [Surnames of the Penza Mordovian people]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga region]. Saransk: Mordov. gos. un-t Publ., 1986. pp. 91–97. (In Russian)
12. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskih yazykov* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Issues of origin and development of Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 480 p. (In Russian)
13. Pivneva E. A. *Iz istorii etnograficheskogo izucheniya mansi* [From the history of ethnographic study of the Mansi people]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2011, no. 3, pp. 23–26. (In Russian)
14. Sokolova Z. P. *Nasledstvennye, ili predkovye, imena u obskih ugrov i svyazannye s nimi obychai* [Hereditary, or ancestral, names of the Ob-Ugrians and related customs]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1975, no. 5, pp. 42–51. (In Russian)
15. Sokolova Z. P. *O proishozhdenii obsko-ugorskih imen i familij* [About the origin of Ob-Ugric names and surnames]. *Lichnye imena v proshlom, nastojashchem, budushchem. Problemy antroponimiki* [Personal names in the past, present, and future. Problems of anthroponymy]. Moscow: Nauka Publ., 1970. pp. 268–278. (In Russian)
16. Sokolova Z. P. *Social'naya organizaciya hantov i mansi v XVIII–XIX vv. Problemy fratirii i roda* [Social organization of the Khanty and Mansi people in the XVIII–XIX centuries. Problems of phratry and kin]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 325 p. (In Russian)
17. Sokolova Z. P. *Hanty i mansi. Vzglyad iz XXI veka* [Khanty and Mansi people. A look from the XXI century]. Moscow: Nauka Publ., 2009. 756 p. (In Russian)
18. Spodina V. I. *O rodovom ustrojstve i nazvaniyah nekotoryh rodov obskih ugrov i samodijcev HMAO* [About the family structure and names of some families of the Ob-Ugrians and Samoyeds of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2011, no. 2 (5), pp. 140–145. (In Russian)
19. Spodina V. I. *Hantysko-neneckie kul'turnye karakteristiki i vzaimootnosheniya v usloviyah pogranych'ya* [Khanty-Nenets cultural characteristics and relations in border conditions]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2009, no. 118, pp. 143–152. (In Russian)
20. Khelimskiy E. A. *Samodijskaya lingvisticheskaya rekonstrukciya i praistoriya samodijcev* [Samoyed linguistic reconstruction and prehistory of the Samoyeds]. *Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie yazykov raznyh semej: Leksicheskaya rekonstrukciya. Rekonstrukciya ischeznuvshih yazykov* [Comparative-historical study of languages of different families: Lexical reconstruction. Reconstruction of the disappeared languages]. Moscow: Nauka Publ., 1991. pp. 86–99. (In Russian)
21. Tsygankin D. V. *Semantika individual'nyh i semejnyh (rodovyh) prozvisch zhitelej erzyanskih i mokshanskih naselennykh punktov* [Semantics of individual and family (generic) nicknames of residents of the Erzya and Moksha settlements]. *Mordovskie yazyki glazami lingvista-finnougroveda. Sb. izb. st.* [Mordovian languages through the eyes of a linguist in Finno-Ugric study. Collection of selected articles]. Saransk: Izd-vo Mordov- un-ta Publ., 2014. Part 4. pp. 143–197. (In Russian)
22. Tsygankin D. V. *Famil'nye osnovy u erzi i mokshi (leksiko-semanticheskij analiz s etimologiej)* [Family stems of the Erzya and Moksha (lexical and semantic analysis with etymology)]. *Mordovskie yazyki glazami lingvista-finnougroveda. Sb. izb. st.* [Mordovian languages through the eyes of a linguist in Finno-Ugric study. Collection of selected articles]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2014. Part 4. pp. 117–133. (In Russian)

23. Cheremisina M. I. *Yazyk i ego otrazhenie v nauke o yazyke* [Language and its reflection in language science]. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t Publ., 2002. 254 p. (In Russian)
24. Cheremisina M. I. *Yazyk kak yavlenie dejstvitel'nosti i obekt lingvistiki* [Language as a phenomenon of reality and the object of linguistics]. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t Publ., 1998. 128 p. (In Russian)
25. Chernikova I. V. *Problema «yazyk i myshlenie» v svete sistemno-evolyucionnogo metoda* [The problem of «language and thinking» in the light of the system-evolutionary method]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], 2016, no. 2, pp. 207–216. DOI: <https://doi.org/10.17223/19996195/34/16>. (In Russian)
26. Binder K. S., Cote N. G., Lee C., Bessette E., Vu H. Beyond breadth: The contributions of vocabulary depth to reading comprehension among skilled readers. *Journal of Research in Reading*, 2017, no. 40 (3), pp. 333–343. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9817.12069>. (In English)
27. Jelisejev Ju. *Suomi venäjä suomi sanakirja*. Jyväskylä: Gummerus Kustannus OY, 1999. 430 p. (In Finnish, Russian)
28. Farkas T. A Magyar családnévanyag fogalma és struktúrája. *Magyar Nyelvjárások*, 2010, no. 48, pp. 59–75. (In Hungarian)
29. Paikkala S. *Se tavallinen Virtanen. Suomalainen sukunimikäytännön modernisoituminen 1850-luvulta vuoteen 1921*. Tampere–Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. 809 p. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. № 959). (In Finnish)
30. Söder T. «Walk This Way»: *Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2001. 154 p. (Seriya «Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia», no. 33). (In English)
31. Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1991. 2019 p. (In German, Khanty, Russian)
32. Wierzbicka A. *Semantics, culture, and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations*. Oxford: Oxford University Press, 1992. 487 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каксин Андрей Данилович, ведущий научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (655017, Российская Федерация, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Ленина, д. 90), доктор филологических наук.

adkaksin@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9632-8286

ABOUT THE AUTHOR

Kaksin Andrey Danilovich, Leading Researcher, Katanov Khakass State University (655017, Russian Federation, Republic of Khakassia, Abakan, Lenin st., 90), Doctor of Philological Sciences.

adkaksin@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9632-8286